

Научная статья
УДК 327.82
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/84-93>

Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 г. (Часть 2)

Мария Вячеславовна Садловская
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 008710@pnu.edu.ru
Андрей Владимирович Ковалевский
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 012551@pnu.edu.ru
Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 000048@pnu.edu.ru

Аннотация. В статье представлен анализ внутренней миграции в постсоветской России с фокусом внимания на Дальнем Востоке. Авторы сопоставляют статистические данные межрегиональной миграции между субъектами ДФО и европейской частью России за период с 1991 г. по настоящее время. Работа позволяет сформировать целостную картину, способную не только отразить динамику формальных показателей, но и дать ключи к их пониманию. В результате исследования выделяются миграционные сценарии, определяется интенсивность миграционного обмена между регионами в разные периоды, а также их специфические особенности. Вопреки сложившемуся в научном дискурсе нарративу о постсоветском "побеге" населения с Востока на Запад в работе выдвигается гипотеза о существовании иных (встречных) сценариев, обусловленных социальными особенностями региона и сложившимся феноменом "проточного общества".

Ключевые слова: миграция, межрегиональная миграция, внутренняя миграция, трансмиграция, Дальний Восток, регион, динамика, статистика, входящие и исходящие потоки

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00554, <https://rscf.ru/project/24-28-00554/>.

Для цитирования: Садловская М. В., Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 г. (Часть 2) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 84–93. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/84-93>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/84-93>

The Road from East to West: Outgoing Migration Flows in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 2

Maria V. Sadlovskaya
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 008710@pnu.edu.ru
Andrey V. Kovalevskii
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 012551@pnu.edu.ru
Leonid E. Bliakher
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 000048@pnu.edu.ru

Abstract. The article presents an analysis of internal migration in the Russian Federation, with a particular focus on the Far Eastern Federal District. The authors present a comparative analysis of statistical data on interregional migration between the subjects of the Far Eastern Federal District and the European part of Russia for the period from 1991 to the present. The work enables the formation of a comprehensive picture that can not only reflect the dynamics of formal indicators, but also provide insights into their interpretation. The study identifies stable migration scenarios, determines the intensity of migration exchange between regions in different periods, as well as their specific features. In contrast with the post-Soviet narrative of the population "escaping" from the East to the West, the paper hypothesizes the existence of other scenarios due to the social peculiarities of the region and the existing phenomenon of "flow society".

Key words: migration, transmigration, Far East, region, dynamics, statistics, incoming and outgoing flows

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project № 24-28-00554, <https://rscf.ru/project/24-28-00554/>.

For citation: Sadlovskaya M. V., Kovalevskii A. V., Bliakher L. E. The Road from East to West: Outgoing Migration Flows in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 2 // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 84–93. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/84-93>

Взаимообмены населением между регионами Дальнего Востока

В подавляющем большинстве случаев основную долю миграций составляют межрегиональные миграции в пространстве ДФО. В целом, в разные

Окончание – начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 95–108.

годы, следуя официальной статистике свыше 60–70 % миграций приходится на долю межрегиональных перемещений населения. Часть этих цифр достигается путём особенности системы учёта миграций, значительная часть остаётся на счете миграций внутри одного региона, однако общий для Дальнего Востока тренд на перемещения между соседними регионами просматривается достаточно ясно (табл. 13).

Основным местом прибытия для мигрантов из Республики Бурятия за всю историю наблюдений является Забайкальский край. С сильным отставанием – республика Саха (Якутия). Например, в 2022 г. из Бурятии в Забайкалье уехало 1439 человек, в Якутию – 750 человек, в остальные регионы ДВ – заметно меньше.

Что интересно, для перемещающегося населения Забайкальского края основным местом назначения в свою очередь также является республика Бурятия. То есть мы видим не переезд из бедного региона в богатый, а встречные миграционные потоки, причём вполне количественно сопоставимые. В 90-е гг. прошлого века заметным направлением миграции из Забайкалья также была Амурская область. Чуть меньше – Хабаровский и Приморский края. В 2000-х их значение снизилось. А в 2010-х на второе место после Бурятии в карте миграций Забайкалья вышел Хабаровский край. Затем – Приморье и Амурская область. В 2022 г. из Забайкальского края в Республику Бурятия приехало 2101 человек, в Хабаровский край – 609 человек, в Приморский край – 549, в Амурскую область – 411, еще меньше в Якутию – 270, в остальные регионы – в разы меньше.

Республика Саха (Якутия) поставляла больше всего людей с 1997 по 2006 г. в Амурскую область, с 2006 по 2010 г. в Республику Бурятия, с 2011 по 2015 г. в Хабаровский край, с 2016 по 2022 г. снова в Бурятию. Также заметную роль в разные годы играли Забайкальский и Приморский края. Остальные регионы такого веса не имели. Последние данные за 2022 г. демонстрируют 573 уехавших в Бурятию, 389 уехавших в Амурскую область, 341 – в Хабаровский край, 277 – в Приморье, 177 – в Забайкалье.

Из Камчатского края люди стабильно едут в Приморский край. Следом – Хабаровский край. В 90-е гг. на третьем месте по популярности была Амурская область, в последние годы всё чаще Сахалинская область или Республика Бурятия. Для понимания порядка цифр, за 2022 г. с Камчатки в Приморье перебрались 433 человека, в Хабаровский край – 224 человека, в Амурскую область – 90, в Бурятию – 89, на Сахалин – 79.

Из года в год лидирующим направлением миграции из Приморского края является Хабаровский край. Затем, сильно реже до 2010-х – Амурская и Сахалинская области, в 2010-х – Сахалинская область, Камчатский край, Амурская область. В 2022 г. показатели составили: из Приморья в Хабаровский край – 3482 человека, из Приморья в Амурскую область – 805, из Приморья на Сахалин – 609, на Камчатку – 579.

В свою очередь, основной поток мигрантов из Хабаровского края перемещается в Приморский край. Порядок цифр сопоставимый – в 2022 г. из Хабаровского края в Приморье прибыли 3284 человека. Т.е. здесь мы тоже можем говорить о полноценной миграционной системе с перекрёстными потоками, а не просто о перемещении людей из региона-донора в регион-реципиент. Следующим получателем человеческого капитала из Хабаровского края выступает Амурская область (1390 человек в 2022 г.). Третье место попеременно занимают то Еврейская автономная область (1298 человек), то Сахалинская область (642).

Ещё один регион, который может быть включен в эту миграционную систему – Амурская область. Основное направление отъезда населения из Амурской области – Хабаровский край, в 2022 г. этот показатель был равен 1665. На втором месте – Приморский край, в 2022 г. туда уехало 1039 человек. Куда менее активные, но всё же заметные направления в разные годы – Забайкальский край, Якутия, ЕАО, Сахалинская область.

Магаданская область в основном направляет людей в Приморский и Хабаровский края. В 2022 г. из региона уехало в Приморье 124 человека, в Хабаровский край – 116 человек, в другие субъекты – заметно меньше.

Пальму первенства по приёму мигрантов из Сахалинской области также делят между собой Хабаровский и Приморский края, остальные регионы

несравнимы с ними по показателям. В 2022 г. с Сахалина в Хабаровский край прибыло 786 человек, в Приморье – 768 человек.

Очень много людей уезжает из Еврейской автономной области в Хабаровский край. Дошло до того, что с 2013 г. количество миграций из ЕАО в Хабаровский край превышает количество внутренних миграций в субъекте. В разы меньше перемещений из Еврейской автономии в Амурскую область и Приморский край. В 2022 г. покинуло ЕАО в направлении Хабаровского края – 1760 человек, в направлении Приморья – 270 человек, Амурской области – 232 человека. Для сравнения: миграций внутри региона за этот год зарегистрировано 1202.

О миграционных тенденциях Чукотского автономного можно сказать следующее. Во-первых, существует движение населения в сторону ближайших / соседних регионов – чаще всего в Магаданскую область (в 2022 г. туда уехало 106 человек). Во-вторых, есть тренд на перемещение в центральные / "столичные" / развитые регионы – в какие-то годы больше в Приморский край (в 2022 г. – 99 человек), в какие-то в Хабаровский край (в 2022 г. – 77 человек).

В целом можно говорить о двух регионах лидерах – Хабаровском крае и Приморском крае. В этих регионах располагаются города "мегаполисы" – Хабаровск и Владивосток, которые концентрируют в себе основные ресурсы и являются наиболее востребованными у дальневосточников. Хабаровск, который явно выделяется даже на фоне Владивостока занимает лидерство из-за статуса столицы большую часть рассматриваемого периода.

Куда едут дальневосточники?

Что касается миграций населения за пределы Дальнего Востока, их целесообразно рассматривать по отдельным субъектам ДФО, т.к. это лучше всего отражает "разность" регионов и образует их специфику. Нужно оговориться что в визуальных материалах (табл. 15–16) приведены данные по верхним трём регионам-реципиентам в доле к общероссийской внутренней миграции.

Пальму первенства по приёму людей из Республики Бурятия на протяжении всего наблюдаемого периода удерживает Иркутская область. На втором месте с 1991 по 2007 гг. стабильно располагался Красноярский край, на третьем – Новосибирская область (сильно реже – Челябинская область и г. Москва), с 2008 г. они поменялись местами. Т. е. здесь мы тоже видим географическое тяготение относительно близких регионов. А вот с 2015 г. в тройке лидеров к Иркутской области и Красноярскому краю присоединился г. Москва.

С 1991 по 2005 гг. основным регионом, принимающих людей из республики Саха (Якутия), также как и в случае с Бурятией, была Иркутская область. С 2006 г. на первое место вышла Новосибирская область. В течение всего исследуемого периода (за исключением 2000–2004 гг.) заметное место в структуре исходящей миграции Якутии также занимает Краснодарский край. С 2014 г. можно наблюдать чёткий тренд переезда в г. Санкт-Петербург.

Вновь подтверждает большое значение территориальной близости миграционная картина Забайкальского края. Доминирующую позицию в исходящем миграционном потоке региона все годы занимает Иркутская область, далее – Красноярский край. В 1991–1995 гг. прослеживалась и с 2013 г. возобновилась тенденция отъезда на юг, в Краснодарский край. С 1997 по 2006 гг. в структуре миграции из Забайкалья возникла Московская область. С 1996 г. периодически возникала, а с 2005 по 2019 гг. окончательно закрепились Новосибирская область как популярное направление переезда.

Жители Камчатского края на протяжении последних тридцати лет стабильно уезжают в Краснодарский край, г. Санкт-Петербург и Московскую область. Пункты назначения мигрантов из Приморского и Хабаровского краёв также не отличаются оригинальностью, но кроме Краснодарского края, Московской области, Санкт-Петербурга они довольно часто выбирают для себя и Москву.

Амурская область в целом поддерживает эти традиционные направления миграции, но с некоторой спецификой – на протяжении всех 90-х гг. своё значение сохраняла Иркутская область, а с 2007 по 2012 гг. была заметна роль Новосибирской области.

Магаданская область несколько выбивается из общей картины. Южное направление миграций представлено там не только Краснодарским краем, но и Ростовской областью на протяжении всех 90-х гг. прошлого века. С 1997 г. по 2011 гг. в структуре перемещений значительную долю занимает Белгородская область. В остальном все стереотипно – Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, Московская область.

В ранний постсоветский период картина исходящей миграции Сахалинской области довольно схожа с Магаданской областью – те же Краснодарский край и Ростовская область. В дальнейшем мы видим преобладание уже классических направлений, с той только разницей, что чаще всё же фигурирует г. Москва, а не Московская область.

До 2000 г. трудно говорить о каких-то трендах в миграционной активности населения Еврейской автономной области. С начала 2000-х уже появляется стабильность – наиболее привлекательными регионами для перемещения становятся Краснодарский край и Московская область. Также с 2013 г. в топ-3 мест для переезда входит г. Санкт-Петербург.

С 1991 по 2000 гг. самыми популярными направлениями у жителей Чукотского автономного округа были Краснодарский край, Ростовская и Московская области. С 2004 по 2010 гг. пьедестал занимали Краснодарский и Ставропольский края, третий регион варьировался. В последние годы лидерами стали Омская область, Ростовская область, Краснодарский край, в некоторые годы – республика Калмыкия.

Кто едет на Дальний Восток?

В визуальных материалах ниже (табл. 17–18) приведены данные по верхним трём регионам, из которых пребывают мигранты на Дальний Восток в доле к общероссийской внутренней миграции.

Большинство прибывающих в Забайкальский край неизменно представляли Иркутскую область, Красноярский край, Новосибирскую область. Идентичная ситуация складывалась в республике Бурятия, и только после 2018 г. выходцев из Новосибирской области в этом регионе потеснили москвичи. В Республику Саха (Якутия) также поставляют людей Иркутская область, Краснодарский край, Новосибирская область, Красноярский край, но с 2015 г. место Красноярского края занял Санкт-Петербург.

Разнообразие вносит Камчатский край – сюда стабильно едут люди из Краснодарского края и Санкт-Петербурга, также в разное время на состав мигрантов влияли Ростовская область, Алтайский край, Московская область.

В 90-е гг. в Приморский край ехали из Иркутской области, г. Санкт-Петербурга, Красноярского края. С 2000 г. вместо Санкт-Петербурга больше приезжих стало из Алтайского края, с 2005 г. место Красноярского края занял Краснодарский край. С 2012 г. тройка лидеров по экспорту людей в Приморье выглядит следующим образом: Краснодарский край, г. Москва, г. Санкт-Петербург. Идентичная ситуация наблюдалась и в Хабаровском крае, лишь с небольшими вариациями в 2000-х гг., хотя перечень основных регионов-доноров оставался неизменным: Красноярский край, Краснодарский край, Алтайский край, Новосибирская область сменяли друг друга.

Похожим образом обстояли дела и в Амурской области: в 1990-е гг. поставляли людей региону Иркутская область и Красноярский край, в 2000-е гг. – стабильно присоединился Краснодарский край, в 2010-е гг. – Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, г. Москва (Московская область).

Совсем уж неожиданно, но и в Магаданскую область в 90-е гг. больше всего людей приезжало из Краснодарского края, Ростовской области, г. Москва, Московской области (пусть и в разы меньше, чем уезжало). В 2000-х гг. вместо Москвы и области чаще звучит Белгородская область. После 2010 г. возникают вполне классические уже Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, г. Москва.

Большая часть приезжих в Сахалинскую область на протяжении всех тридцати лет была из Краснодарского края. С 2002 по 2006 гг. замечен был приток населения из Санкт-Петербурга. С 2007 по 2011 г. его сменил Алтайский край. С 2012 г. уже много раз обозначенные Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, г. Москва.

В Еврейскую автономную область в последнее десятилетие XX в. ехали в основном из Иркутской области и Красноярского края. В первом десятилетии XXI в. к ним присоединились / заменили Оренбургская область и Алтайский край. Во втором десятилетии мы видим все ту же триаду Краснодарский край – Санкт-Петербург – Москва.

По Чукотскому автономному округу до середины 2000-х гг. преобладали выходцы из Краснодарского края, Ростовской области, Москвы / Московской области, со второй половины 2000-х – из Омской области, Краснодарского края, Ростовской области (в последние годы иногда – из республики Калмыкия).

Выводы

Тезис о том, что "люди уезжают с Дальнего Востока" в целом находит своё подтверждение в статистике, однако ситуация далеко не катастрофична. Стоит отметить, что с каждым годом и уезжает, и приезжает всё меньше людей. Отток, как и приток постепенно сокращается.

Действительно, в нескольких регионах, таких как Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ, в 90-х – начале 2000-х гг. наблюдалась критическая ситуация, когда количество уезжающих в 1,5–2–3 раза превышало приезжающих в эти субъекты. В Сахалинской области ситуация выровнялась только в 2010-х гг. По Магаданской области убыль населения по-прежнему заметная, хоть и не такая фатальная как до 2010-х гг.

В последние годы, входящие / исходящие потоки в большей части регионов примерно сопоставимы (однако, отток населения почти всегда превышает приток). Такой стабильностью отличаются республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область. Уникальная ситуация складывалась в Еврейской автономной области, когда в 90-е гг. туда приезжало людей больше, чем уезжало. С 2010-х гг. такая картина эпизодически наблюдается только в Чукотском автономном округе.

Рассматривая внутренние миграционные потоки на Дальнем Востоке, следует отметить, что доминирующую позицию на протяжении всего периода наблюдений занимают перемещения внутри субъектов. В каждом из регионов их число на порядок, а иногда и на два выше, чем перемещений между регионами ДВ или за пределы федерального округа. Исключением вновь является лишь Еврейская АО, где с 2013 г. преобладают миграции из региона в Хабаровский край.

В целом, регионом-лидером, как по приёму, так и по отправке людей стабильно является Приморский край. За исключением 2005 г., когда первое место заняла Амурская область, и 2007 г. – когда на первый план вышла Республика Бурятия. За второе-третье места по количеству мигрантов с 1991 г. до середины 2000-х гг. боролись, периодически сменяя друг друга, Хабаровский край и Амурская область (по числу уезжающих с 1999 по 2003 гг. – ещё и Забайкальский край). Со второй половины 2000-х до конца 2010-хх гг. на втором месте прочно закрепился Хабаровский край, на третьем – Бурятия, заметно активнее стало перемещаться население Забайкалья и Якутии. В последние годы тройка лидеров выглядит следующим образом: Приморье, Забайкалье, Хабаровский край.

Отчётливо проявляется миграционное тяготение соседних / близких регионов друг к другу. При этом, если ожидаемыми были перемещения людей из отдалённых регионов в центральные, более населённые или из дотационных регионов в экономически развитые, то здесь мы наблюдаем любопытные примеры перекрёстных, вполне сопоставимых миграционных потоков: Бурятия – Забайкалье / Забайкалье – Бурятия и Приморский край – Хабаровский край / Хабаровский край – Приморский край.

Среди других устойчивых миграционных направлений внутри Дальнего Востока также можно выделить следующие:

- из Якутии в Бурятию и Амурскую область (периодически значимое количество людей из Якутии принимает также и Хабаровский край);
- с Камчатки в Приморье (реже и в меньшей степени в Хабаровский край);

- из Магаданской области наибольшее число людей переезжает попеременно в Приморье и Хабаровский край;
- Сахалин также стабильно поставляет людей в Приморье и Хабаровский край;
- для Чукотки регионами-реципиентами являются Магадан, Хабаровск, Приморье.

В разрезе всероссийских перемещений, как ни парадоксально, мы видим встречные миграционные потоки в большинстве регионов – люди едут не только с Дальнего Востока на условный запад / на юг, но и с запада / юга на Дальний Восток. С некоторой долей допущения можно говорить о том, что приезжают из тех же регионов, в которые уезжают, пусть и с количественной разницей. Если в случае исходящих миграций чаще всего звучат территориально близкие Иркутская область и Красноярский край, южные Краснодарский край и Ростовская область, столичные Санкт-Петербург, Московская область, Москва, то они же возникают и при анализе входящего миграционного потока.

Заключение

Таким образом, представления о катастрофическом опустении территории Дальнего Востока, мягко говоря, слабо соотносятся с данными официальной государственной статистики. Да, определённый отток наблюдается. Но, в целом, он соответствует общемировой тенденции центростремительного движения населения (от сельских поселений к небольшим городам, от них к мегаполисам и глобальным городам). Более того, сохранение оттока наряду с факторами, уже описанными специалистами в области миграции (отсутствие укоренённости в регионе значительной части населения [2], сохранение связей в точке исхода и т. д. [1]) детерминировано изменением самого подхода государства и, что не менее важно, крупного бизнеса к освоению территории.

Если в советский период, как и в период Российской империи ставка делалась именно на заселение региона (вокруг промышленных объектов возникли вполне стационарные населённые пункты со всей необходимой социальной и властной инфраструктурой), то сегодня необходимыми для производства трудовые ресурсы поставляет "вахта", состоящая из людей, зарегистрированных в совершенно иных регионах. Да, как и во всей стране, ощущается некоторая "нехватка" населения. Но пока она ведёт лишь к сокращению безработицы, росту заработной платы наемных работников, то есть, к возрастанию уровня жизни большей части дальневосточников.

Почему же, в условиях, когда сохраняется не особенно значительный отток населения из региона, продолжает тиражироваться априорная исследовательская установка об угрозе национальной безопасности, о катастрофической ситуации в ДФО [4]? Почему "привратники" продолжают свою работу? Причина, как представляется находится за пределами научного дискурса, в принципе, не склонного к эмоциональному переживанию ситуации. Как показал С. Г. Кордонский, формой взаимодействия региональной и федеральной власти в России выступает "конструирование угроз" [3]. Региональная власть конструирует угрозу, для нейтрализации которой и получает дополнительное финансирование из центра. Это может быть угроза национализма, как в Татарии, сепаратизма, как в Чечне. "Дальневосточной угрозой", с которой борется региональная власть субъектов федерации, выступает сокращение населения. Наличие такой влиятельной группы и её возможностей воздействия через СМИ, грантовую поддержку исследований и т. д. создает эмоциональный и смысловой фон, приводящий к сохранению "привратников", диктующих описание ситуации в качестве катастрофической.

В условиях, когда пусть незначительный отток, но сохраняется, а естественный прирост не достигает уровня даже простого воспроизводства, заселение Дальнего Востока, привлечение новых потоков переселенцев маловероятно. Разве только иностранными мигрантами из бедных и перенаселенных стран или за счёт сокращения населения в иных регионах России. Есть еще вариант: признать сам факт невозможности (климатической, демографической, логистической и т.д.) заселения этой территории в ближайшее время и действовать, исходя из наличной ситуации. Скажем, развивать "малолюд-

Табл. 13. Динамика численности прибывающего населения во внутрорегиональных миграциях и общей численности выбывающего населения на Дальнем Востоке в 1991–2022 гг.
Table 13. Dynamics of the number of intra-regional migrants and the total number of out-migrants in the Far East, 1991–2022.

Год	Общий показатель убивших	Из них прибыли в регионы ДФО	Год	Общий показатель убивших	Из них прибыли в регионы ДФО
1991	423657	282303	2007	182992	124661
1992	389782	235322	2008	181148	121207
1993	337195	192454	2009	155224	102967
1994	381194	202329	2010	168872	106157
1995	381709	211616	2011	271046	183895
1996	322672	191404	2012	316410	214219
1997	298581	175940	2013	330441	220562
1998	288858	172734	2014	323181	217914
1999	271657	164482	2015	327973	222913
2000	238574	154339	2016	321427	219636
2001	215850	140591	2017	324258	222054
2002	206878	136902	2018	328358	222842
2003	202489	136927	2019	306718	215616
2004	184168	126162	2020	267846	186996
2005	176589	120518	2021	285904	199203
2006	180180	121412	2022	275055	191036

Источник: составлено авторами на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled by the authors on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 14. Распределение уехавших из одного региона ДФО в другой регион ДФО
Table 14. Share of those who left one region of the Far Eastern Federal District for another region of the Far Eastern Federal District

Откуда убыли \ Куда прибыли	Куда прибыли										
	РБ	РС(Я)	ЗК	КК	ПК	ХК	АО	МО	СО	ЕАО	ЧАО
РБ		16,7	54,3	2,0	8,4	7,2	5,0	1,7	3,2	0,6	0,9
РС(Я)	23,6		12,2	0,9	13,5	19,1	21,7	4,6	1,4	2,0	0,9
ЗК	48,4	6,5		1,2	11,4	13,6	14,0	1,2	1,9	1,4	0,3
КК	3,2	1,2	2,6		48,1	26,7	8,3	2,0	4,4	2,4	1,1
ПК	3,4	3,0	5,3	8,5		48,9	13,1	2,4	11,6	3,7	1,1
ХК	2,2	3,8	5,2	3,7	36,2		19,5	2,1	10,1	16,3	0,9
АО	3,2	7,3	9,9	2,1	21,4	42,0		1,3	5,4	6,7	0,7
МО	7,0	5,5	5,3	3,3	30,4	26,2	11,3		2,0	3,7	5,3
СО	3,2	0,9	2,6	2,9	35,8	40,8	10,2	0,6		2,7	0,2
ЕАО	0,6	1,2	1,4	1,1	10,4	69,4	12,1	0,6	2,9		0,3
ЧАО	4,7	2,8	2,3	7,9	17,6	26,4	7,5	27,2	1,4	2,4	

Источник: составлено авторами на основе данных ФСГС.

Source: compiled by the authors on the basis of data from Federal State Statistics Service

Табл. 15. Долевое распределение по территориям-реципиентам мигрантов, выбывших из ДФО в 1991–2022 гг. Часть 1

Tabl. 15. Distribution of the share of migrants leaving the Far Eastern Federal District in 1991–2022 by receiving region. Part 1

Республика Бурятия		Республика Саха (Якутия)	
Иркутская область	22%	Новосибирская область	12%
Москва	13%	Краснодарский край	10%
Красноярский край	10%	Санкт-Петербург	7%
Забайкальский край		Камчатский край	
Иркутская область	11%	Краснодарский край	13%
Краснодарский край	9%	Санкт-Петербург	10%
Красноярский край	8%	Московская область	7%
Приморский край		Хабаровский край	
Санкт-Петербург	14%	Краснодарский край	15%
Москва	13%	Санкт-Петербург	12%
Краснодарский край	9%	Москва	11%

Источник: составлено авторами на основе данных ФСГС.

Source: compiled by the authors on the basis of data from Federal State Statistics Service.

Табл. 16. Долевое распределение по территориям-реципиентам мигрантов, выбывших из ДФО в 1991–2022 гг. Часть 2

Tabl. 16. Distribution of the share of migrants leaving the Far Eastern Federal District in 1991–2022 by receiving region. Part 2

Амурская область		Магаданская область	
Краснодарский край	15%	Краснодарский край	12%
Санкт-Петербург	9%	Санкт-Петербург	9%
Московская область	7%	Московская область	7%
Сахалинская область		Еврейская автономная область	
Краснодарский край	12%	Краснодарский край	15%
Санкт-Петербург	10%	Санкт-Петербург	9%
Москва	8%	Москва	8%
Чукотский автономный округ			
Краснодарский край	9%		
Омская область	8%		
Ростовская область	7%		

Источник: составлено авторами на основе данных ФСГС.

Source: compiled by the authors on the basis of data from Federal State Statistics Service.

Табл. 17. Долевое распределение по субъектам ДФО мигрантов, прибывших в регион в 1991–2022 гг. Часть 1

Tabl. 17. Distribution of the share of migrants arriving in the region in 1991–2022 by Far Eastern Federal District subject. Part 1

Республика Бурятия		Республика Саха (Якутия)	
Иркутская область	28%	Новосибирская область	9%
Красноярский край	10%	Иркутская область	8%
Москва	8%	Санкт-Петербург	7%
Забайкальский край		Камчатский край	
Иркутская область	16%	Санкт-Петербург	9%
Новосибирская область	9%	Краснодарский край	9%
Красноярский край	8%	Московская область	6%
Приморский край		Хабаровский край	
Санкт-Петербург	10%	Краснодарский край	12%
Москва	9%	Санкт-Петербург	9%
Краснодарский край	8%	Москва	8%

Источник: составлено авторами на основе данных ФСГС.

Source: compiled by the authors on the basis of data from Federal State Statistics Service.

Табл. 18. Долевое распределение по субъектам ДФО мигрантов, прибывших в регион в 1991–2022 гг. Часть 2

Tabl. 18. Distribution of the share of migrants arriving in the region in 1991–2022 by Far Eastern Federal District subject. Part 2

Амурская область		Магаданская область	
Краснодарский край	10%	Краснодарский край	12%
Санкт-Петербург	7%	Санкт-Петербург	6%
Москва	6%	Белгородская область	5%
Сахалинская область		Еврейская автономная область	
Краснодарский край	9%	Краснодарский край	11%
Санкт-Петербург	8%	Санкт-Петербург	9%
Москва	7%	Москва	5%
Чукотский автономный округ			
Краснодарский край	9%		
Омская область	8%		
Ростовская область	5%		

Источник: составлено авторами на основе данных ФСГС.

Source: compiled by the authors on the basis of data from Federal State Statistics Service

ные" производства с низкими транспортными издержками. Но это будет уже совсем-совсем другая история.

Литература / References

1. Бляхер Л. Е. Искусство неуправляемой жизни. Москва: Европа, 2014. 208 с. Bliakher L. E. The art of unmanaged life. Moscow: Europe, 2014. 208 p. (In Russ.).
2. Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е., Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3(54). С. 120-127. <https://www.doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/120-127>
Kovalevskii A. V., Bliakher L. E. Far Eastern migration: peculiarities of the interpretation. Example of the Khabarovsk Territory case // Oikumena. Regional Researches. 2020. N. 3. P. 120–127. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/120-127>
3. Кордонский С. Г., Дехант Д. К. Нейтрализация угроз как форма деятельности органов власти // Микроэкономика. 2014. № 6. С. 52–58.
Kordonsky S. G., Dechant D. K. Neutralizing Threats as a Form of Government Activity // Microeconomics. 2014. N. 6. P. 52–58. (In Russ.)
4. Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Демографические проблемы геостратегических территорий Дальнего Востока России // Народонаселение. 2020. № 4 (23). С. 153–160.
Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Demographic Problems of Geostrategic Territories of the Russian Far East // Population. 2020. N. 4 (23). P. 153–160. (In Russ.).

Информация об авторах

Мария Вячеславовна Садловская, канд. соц. наук, доцент Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 008710@pnu.edu.ru

Андрей Владимирович Ковалевский, канд. соц. наук, заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований социального капитала Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 012551@pnu.edu.ru

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Information about the authors

Maria V. Sadlovskaya, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 008710@pnu.edu.ru

Andrey V. Kovalevskii, Candidate of Sociology, Head of the Laboratory of Interdisciplinary Studies of Social Capital, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 012551@pnu.edu.ru

Leonid E. Bliakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Поступила в редакцию 05.08.2024

Одобрена после рецензирования 15.11.2024

Принята к публикации 25.02.2025

Received 05.08.2024

Approved 15.11.2024

Accepted 25.02.2025